

Перевод
УДК 316.4
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-61-72>

Разговор об истории Тройханданштальт. Интервью с Маркусом Бьёиком¹. Часть 2

Маркус Бьёик¹, Оле Нимое²

¹Гарвардский университет, Кембридж, Массачусетс, США

²Независимый журналист, Йена, Германия

¹marcus.boeick@rub.de, ²oleundwolfgang@gmail.com

Вниманию читателей представляется вторая часть интервью, взятого в октябре 2020 г. у немецкого историка доктора Маркуса Бьёика ютуб-блогером Оле Нимоем на канале «Wohlstand für alle». Во второй части интервью обсуждаются коррупционные скандалы, связанные с работой Тройханданштальт – организации, управлявшей приватизацией восточногерманских предприятий. М. Бьёик демонстрирует различные позиции участников и свидетелей тех событий. Такой многоуровневый и многосторонний взгляд на скандальную и противоречивую историческую тему может оказаться подходящим материалом для будущих философско-методологических исследований, касающихся этической оценки исторических событий и политических решений.

Ключевые слова: приватизация, Восточная Германия, ГДР, объединение Германии, Тройханд, Тройханданштальт, плановая экономика, рыночная экономика

Для цитирования: Разговор об истории Тройханданштальт. Интервью с Маркусом Бьёиком. Часть 2 / пер. с нем. В. А. Миронова // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 61–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-61-72.

Translation

The Talk about the History of the Treuhandanstalt. Interview with Markus Böick¹. Part 2

Markus Böick¹, Ole Nymoen²

¹Harvard University, Cambridge, MA, USA

²Freelance Journalist, Jena, Germany

¹marcus.boeick@rub.de, ²oleundwolfgang@gmail.com

The second part of the translation of the interview, which was taken in October 2020 from the German historian Dr. Markus Böick by the YouTube blogger Ole Nymoen on the channel "Wohlstand für alle", is presented to the attention of readers. In the second part

© Ole Nymoen, Markus Böick, 2023

© Миронов В. А., пер. с нем., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=JuK5OOXEhns>

of the interview, there is a discussion of corruption scandals related to the work of the Treuhandanstalt, an organization for managing the privatization of East German enterprises. M. Böick demonstrates all possible positions from different points of view, different participants and witnesses of those events. Such a multi-level and multi-sided view of a scandalous and controversial historical topic may prove to be suitable material for future philosophical and methodological research concerning the ethical assessment of historical events and political decisions.

Keywords: privatization, East Germany, GDR, German unification, Treuhand, Treuhandanstalt, planned economy, market economy

For citation: "The Talk about the History of the Treuhandanstalt. Interview with Markus Böick. Part 2", Transl. by Mironov, V.A. (2023), *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 61–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-61-72 (Russia).

Оле Нимоен (О. Н.): Вы упомянули, что были скандалы. Что это были за скандалы? Они были связаны с распродажей предприятий ГДР или с чем-то еще? Как вы их оцениваете сейчас, по прошествии 30 лет?

Маркус Бьёик (М. Б.): Конфликты были вызваны целым рядом факторов, которые стали развиваться совсем не так, как ожидалось, даже сам Тройханд не был готов к такому развитию событий. Все скандалы так или иначе были вызваны различными просчетами и провалами. Ведь при такой скорости проведения приватизации просто невозможно было избежать издержек. Не так давно я брал интервью у одного менеджера из Тройханда, и он рассказал о том, как были привлечены миллионы и миллиарды немецких марок для того, чтобы как можно быстрее провести приватизацию. Тогда не было времени все долго проверять, обсуждать и согласовывать решения. Таков был идеологический принцип, такова была философия приватизации – решать все быстро, смело, креативно. Очевидно, что процесс, выстроенный таким образом, должен был приводить к ошибкам.

Особенно в условиях огромного количества одновременных сделок и прочего. Все это открывало простор для коррупции, ошибок и злоупотреблений. И я бы даже сказал, что и по сей день не утихают споры о том, как все это нужно оценивать. С тем, что тогда имели место скандалы и коррупция, с этим, я думаю, никто сейчас не спорит. Это все понятно. Но постоянно возникает вопрос, а насколько это вообще нормально? Сторонники и защитники Тройханданштальт на этот вопрос обычно отвечают так: «Ну, да ладно, ведь произошел определенный вид революции, которая повлекла за собой экономические потрясения и гигантское перераспределение собственности и всего того, что имеет материальную ценность. Очевидно, что все это не могло хорошо закончиться». А их оппоненты им отвечают, что все это уже было встроено в систему. Все было именно так из-за того, что Тройханд ускорил свою работу и при этом никто его не хотел контролировать, из-за того, что парламент вообще почти никак не влиял на Тройханд, из-за того, что общественность получала довольно скудную информацию и вообще едва могла адекватно оценить суть происходящего, из-за того, что политики предпочли остаться в стороне от важнейших событий, происходящих в стране.

Прежде всего это касается правительства ФРГ, поэтому у Тройханда не было никаких ограничений. И вскоре, как я уже сказал, происходит ряд скандалов. Инвесторы могли

совершать сделки по фиктивному поглощению восточногерманских предприятий для того, чтобы завладеть только некоторыми элементами этих предприятий, например это какие-нибудь двигатели, передовая и уникальная техника, или чтобы только заполучить дотации от государства на поддержку таких предприятий. Но были и отдельные случаи, когда нужно было таким образом избавиться от восточногерманских конкурентов и в отдельных случаях это делали довольно бескомпромиссно.

И конечно, нельзя здесь не упомянуть, на мой взгляд, очень громкий скандал в городе Галле, в одном из филиалов Тройханда. Тройханд был разделен на 15 филиалов, по одному в каждом из регионов ГДР. Филиалы на местах должны были проводить приватизацию небольших предприятий. По меркам Тройханда небольшими считались предприятия с количеством сотрудников менее 1500 чел. И в филиале Тройханда в Галле произошел большой скандал из-за того, что один шведский... ой, нет, не шведский – швабский... один швабский предприниматель через коррупционный сговор с руководителями филиала этого попечительского учреждения скупил два десятка предприятий только ради того, чтобы получить на них субсидии и потом по частям распродать эти предприятия.

При этом деньги выделялись из средств Тройханда, т. е. выплаты назначались теми должностными лицами, с которыми этот предприниматель вступил в коррупционный сговор. Разоблачение опубликовала местная пресса, и это был огромный скандал, связанный в том числе и с компанией IG-Metall. Это был огромный удар по репутации Тройханда. Ведь согласно неолиберальному идеологическому принципу филиалы должны были принимать решения самостоятельно без особого контроля, без особого надзора, крайне решительно и смело. Но потом уже всем стало очевидно, что такими полномочиями должностные лица стали пользоваться в своих корыстных целях, злоупотреблять ими. Низкий уровень контроля и бюрократии создавал благоприятные условия для злоупотреблений.

Эти факты стали благодатной пищей для конкретной и обоснованной критики Тройханда, собственно, что вполне закономерно. Со всех сторон доносилось: «Ваша система не работает, нужен больший контроль за вашим так называемым попечительским учреждением, как со стороны политиков, так и со стороны общественности». И действительно, в самом начале крупные сделки совершались очень и очень быстро, чуть ли не по телефону, а написанные на скорую руку контракты умещались на паре-тройке страниц. И в конце 1990 – начале 1991 г. все было неформально, я бы даже сказал, крайне неформально, и вполне понятно, что это время для менеджеров из Тройханда было золотым, когда они могли не ждать долго, не вести длительные переговоры, и при этом считали, что здесь и сейчас они вершат историю, и самое главное и ценное для них было то, что они могли очень быстро договариваться и совершать в очень короткие сроки крупные сделки.

Для менеджеров это действительно был золотой период. Но потом в 1992–1993 гг. на все это стало тратиться гораздо больше времени – на подготовку и подписание контрактов, на анализ степени важности и ценности продаваемых предприятий и т. д. Такие изменения в работе Тройханда произошли вследствие того, что его высшее руководство усилило меры безопасности и выработало определенные механизмы контроля над процессом приватизации, в том числе создав надзорные группы по предотвращению преступного сговора между сотрудниками Тройханда и инвесторами.

В общем, контроль за приватизацией серьезным образом усилился. Это, конечно, предполагало, что все сделки теперь будут открытыми и уже нельзя будет заключать их втайне от общественности и правоохранительных органов. Такими новыми правилами приватизации оказались недовольны как сотрудники Тройханда, так и инвесторы. Они даже потом говорили: вернулись туда, откуда уходили, теперь мы снова будем играть по государственным бюрократическим правилам.

Из-за усиленного контроля и долгого оформления документов при заключении сделок всем стало понятно, что с креативным (хаотичным) золотым временем покончено. Именно на этот период пришлось основные скандалы, которые были очень ярко представлены в различных СМИ, чем подпортили репутацию Тройханду так сильно, что даже по сей день о нем ходит дурная слава скандального учреждения, принявшего целый ряд ошибочных решений. Я думаю, в любом случае есть веские основания именно так оценивать эту организацию. Еще, конечно, нужно во всем более тщательно разобраться, но тем не менее Тройханду нужно просто смириться со своей испорченной репутацией и с тем, что упоминания о нем в прессе сегодня – это только упоминания о его скандальных историях.

О. Н.: Если я правильно понял, в своей книге вы придерживаетесь позиции, которая находится между двумя крайними полюсами в оценке деятельности Тройханда, не так ли? То есть обычно одни говорят: «У нас не было никаких альтернатив, перед нами стояла задача как можно скорее переставить восточногерманскую экономику на рыночные рельсы, и если ценой за это будет потеря сотни тысяч или даже миллионов рабочих мест, то так тому и быть». Другие, и это преимущественно левые, говорят о том, что Тройхандом было практически все уничтожено.

Что особенного в вашей книге, в вашей попытке отойти от этих двух крайностей?

М. Б.: Когда я начал заниматься этой темой, она уже была почти 15 лет как практически исчерпана. Она по каким-то причинам больше не интересовала ни экономистов, ни политиков, ни ученых. Но в Восточной Германии эта тема все еще оставалась актуальной. Собственно, и сейчас тема Тройханда там остается очень болезненной и обсуждаемой. И во всех обсуждениях обычно представлены только эти две позиции, ну или по крайней мере именно эти две позиции постоянно были у всех на слуху. То есть те позиции, о которых вы только что сказали. Кстати, вы их довольно удачно сформулировали.

Действительно, с одной стороны, сотрудники этого учреждения говорили, что все было безальтернативно, что это был лучший из всех возможных в тех условиях вид мягкого кризис-менеджмента, и все, что проходило через Тройханд, относилось в прошлом целиком и полностью к плановой экономике, и в этом уже виноваты Хонеккер и Миттаг, но несмотря на это было спасено хотя бы то, что еще можно было спасти. Поэтому на самом деле история Тройханда – это история героев, которые отлично справлялись со своей работой, с работой, которая была уникальной и единственной в своем роде. Сотрудникам Тройханда приходилось делать невозможное и делать, можно сказать, вслепую.

С другой стороны, была та самая, иногда даже очень категоричная и фундаментальная критика, критика капитализма, которая квалифицировала Тройханд как банду преступников-неолибералов, как банду мошенников и т. д. и т. п. Которые реализовали колониальное разграбление Восточной Германии в пользу Западной, которые уничтожили всех конкурентов с Востока страны, никак при этом не учитывая интересы местного населения.

Эти две непримиримые позиции существуют и по сей день. В прессе, например, до сих пор появляются очень и очень мощные статьи против Тройханда. Но приступая к изучению данной темы, я понимал, что в первую очередь я историк, а историки всегда пишут о том, что было в прошлом. Это так. Но мне не хотелось просто продолжать этот большой нарратив о Тройханде, основанный на свидетельствах очевидцев. Я хотел сам детально и дифференцированно разобраться в этой теме и создать собственный нарратив о тех событиях, учитывая позицию как сторонников, так и противников деятельности Тройханда. Именно с такими мыслями я взялся за разработку этой темы. И я сразу отказался от идеи выстраивать историю о Тройханде как историю менеджеров-героев, а также решил не скатываться в другую крайность и писать историю по модели «преступник–жертва» или же «мошенник–жертва». Для меня оказалось важным постараться рассмотреть на разных уровнях, в разных плоскостях эту безумно сложную, но в то же время захватывающую тему. Я начал свое исследование как историк, а именно обратился к архивам и историческим документам, чтобы разобраться в сложной теме учреждения Тройханданштальт, чтобы посмотреть и понять, что же там и тогда на самом деле происходило.

Но именно в тот временной промежуток, когда я только приступил к изучению данной темы, у меня совершенно не было времени на настоящую работу историка – работу в архивах. Поэтому я тогда обратился к одной из книг Вольфганга Зейбеля, ученого, предметом изучения которого являются государственное администрирование и деятельность политиков. Так вот, в одной из его книг были некоторые фрагменты, которые рассматривали Тройханд в исторической перспективе, но о том, чтобы проанализировать деятельность этой организации в разных плоскостях и с разных сторон – об этом там не было и речи. И я подумал, пусть хоть и такая, но все же это была попытка разобраться в этой сложной теме.

Вообще, если разобраться, то я изучил эту тему в три этапа и поставил перед собой следующие вопросы: во-первых, я решил узнать, как вообще пришли к идее создания этой организации, к идее создания Тройханда. Почему решили создать именно такое учреждение, как Тройханданштальт, на которое на время переходного периода будет возложена опека над народной собственностью Восточной Германии? Почему это учреждение в итоге стало именно агентством по приватизации, а не чем-нибудь другим? Во-вторых, как изначально предполагалось организовать процесс приватизации и что из всего этого вышло в итоге? В-третьих, я решил изучить конкретный опыт сотрудников Тройханда, начиная с высшего руководства, затем руководителей среднего звена и заканчивая изучением конкретного опыта рядовых сотрудников. Для меня было важно узнать, что они думают о своем опыте работы в Тройханде, какова была их мотивация, к чему в своей работе они относились хорошо, к чему плохо. Почему или зачем они вообще пошли работать в эту организацию и как они оценивают свои действия, решения и свою роль в тех процессах сегодня?

Собственно, в этом и состоял мой подход. И для его реализации мне потребовалось добыть и обработать очень и очень много информации, поэтому мое исследование длилось так долго и вылилось в такую большую книгу. Конечно, было бы проще сосредоточиться на каком-нибудь одном вопросе. Но я так глубоко погрузился в эту тему, что принял решение довести свое исследование до конца и, насколько это возможно, проработать ее целиком и полностью. И еще я понял, что мой подход к исследованию этой темы сможет стать интересным не только для меня самого, но и для моих коллег-историков.

То есть своей работой мне хотелось сказать своим коллегам: знаете, эта тема все еще очень и очень горяча и актуальна, а последствия тех событий до сих пор вызывают шквал отрицательных эмоций у многих людей, и несмотря на это, это такая тема, которой вполне могут заниматься историки. При помощи методов исторической науки мы должны попытаться сдвинуть многолетние дебаты с мертвой точки. И такой порыв стоит воспринимать как реактуализацию, переоткрытие этой темы. Помню, как мне говорили, что я, дескать, залез на ту территорию, где еще не ступала нога ни одного историка, что мне не с кем будет даже посоветоваться и компетентно обсудить свои наработки. Но могу сказать, что сейчас по этой теме выпускается очень и очень много материалов. То есть на данный момент существует довольно большое количество исследований, посвященных данной теме, как исторических, так и экономических и социологических исследований, а также за последние годы вышло много документальных фильмов о тех событиях.

И я должен признаться, приступая к этой теме, я даже не подозревал, что уже в скором будущем она станет такой обсуждаемой. Ведь когда здесь, в Бохуме, я начинал заниматься Тройхандом, эта тема была совершенно экзотической. Но с 2015 г. интерес к ней, я бы сказал, начал просто зашкаливать. А в 2018 и в 2019 гг. прошли особенно острые и интенсивные дискуссии на всех уровнях, в которых приняли активное участие политики, ученые, журналисты и представители сферы искусства. Такого ажиотажа вокруг этой темы я не ожидал и не мог предвидеть. Мне просто повезло, что свое исследование по этой тогда еще экзотической теме я довел до конца. И слава богу, что я не позволил людям сбить меня с толку. Многие сомневались в моем успехе и спрашивали: «А где вы будете источники брать по этой теме? И вообще, какой смысл заниматься этой бесперспективной темой? Ведь придется потратить не менее 10–15 лет на серьезную разработку этой темы. А ведь еще прошло не так много времени для того, чтобы она могла стать полноценным объектом исторического исследования, еще и источников по данной теме очень мало. Не лучше ли вам заняться какой-нибудь другой темой?».

Но несмотря на сомнения в моем успехе, звучавшие со всех сторон, я все-таки не бросил начатое и довел свое исследование до конца. И хочу сказать, сделать это было не так-то просто. Я постоянно встречал ухмылки в свой адрес со стороны коллег, которые при этом приговаривали: «Ну, занимайтесь, занимайтесь этой темой, ага...». Но потом уже стало легче, стало легче и проще, мне повезло, что эта тема вновь стала актуальной и обсуждаемой. И, конечно, сейчас встал вопрос: а что мне делать дальше? Что исследовать теперь? Думаю, в ближайшие годы мы все будем вынуждены разбираться не только в истории Тройханда, но и во всех хитросплетениях отношений между Востоком и Западом Германии в 90-е гг. XX в.

И я полагаю, что мы сейчас не в конце, а в самом начале этого пути, что, конечно, означает, что нас ждет еще много интересного впереди. Прежде всего я надеюсь на интерес со стороны западногерманской молодежи, ведь восточные немцы, особенно представители старшего поколения, и без того глубоко погружены в эту тему и готовы постоянно говорить о тех событиях, бередея свои душевные раны. Своей книгой я хотел привлечь внимание широкой аудитории, чтобы с этой темой познакомились поближе и те, для кого она не является столь болезненной. Я хотел вывести эту тему за пределы Восточной Германии и сделать ее более обсуждаемой как в Западной Германии, так и за ее пределами.

И знаете, мне даже, можно сказать, повезло, я год назад в США в Нэшвилле на безвозмездной основе прочитал лекции о Тройханде. Для меня всегда особенно важно иметь возможность работать с подрастающим поколением и видеть его в качестве своих студентов и школьников, для которых эта тема является очень экзотической и очень далекой, о которой они до встречи со мной даже ничего не слышали и совершенно не имеют никакого представления о том, что такое Тройханданштальт.

Я обычно рассказываю своим слушателям, почему он возник именно в Восточной Германии, почему одно лишь упоминание слова «Тройханд» за праздничным столом вызывает у моих родителей, бабушек и дедушек бурю негативных эмоций и т. д. Также для меня было важно выпустить эту тему из тесной клетки научных обсуждений и представить ее на суд широкой публике, чтобы уже всем вместе обсудить, что представляло собой это учреждение.

Тройханданштальт остался в памяти людей как безумное и почти неуправляемое учреждение, находящееся между Востоком и Западом Германии, между планом и рынком, между капитализмом и социализмом. И такое учреждение очень хорошо подходит для дискуссий по самым фундаментальным вопросам, которые раз за разом, снова и снова возникают перед нами. Например, обсуждение проблемы Тройханда, я полагаю, поможет нам ответить на такой фундаментальный вопрос XXI в.: каким должно быть наше будущее?

О. Н.: Я хотел бы вам задать последний вопрос.

М. Б.: Да, конечно.

О. Н.: Я хотел бы вам задать последний вопрос. Вы упомянули о существенном дисбалансе между Востоком и Западом Германии, который сохраняется и сегодня практически во всех сферах. Как вы думаете, можно ли считать Тройханд тем учреждением, которое усилило этот дисбаланс? В предисловии к своей книге вы цитируете либерального экономиста Ганса-Вернера Зинна, который критикует Тройханд за то, что он проигнорировал неотъемлемый и естественный для рыночной экономики закон спроса, оценивая и продавая восточногерманские предприятия по цене существенно ниже рыночной. Еще можно заметить, что до сих пор труд восточных немцев оценивается гораздо ниже труда западных немцев, и восточные немцы вынуждены соглашаться работать за существенно меньшую плату. Всем уже давно известно, что зарплаты в Восточной Германии, в отличие от Западной, до сих пор остаются довольно низкими. Причем такая разница в зарплатах по большому счету ничем не обоснована, не имеет никаких на то веских причин.

В этом году я был на одном предприятии, на «Фабрике монтажных инструментов König» в промышленном районе Тюрингские ворота «Thüringen Tor», которое тогда тоже было приватизировано через Тройханд. Приватизировал же это предприятие один крупный инвестор из США, заводы которого были и остаются разбросанными по всему миру, в частности в Восточной Европе, в Китае, ну и в самой Америке. И вот в определенный момент он принял решение заполучить себе завод в Восточной Германии. Сразу после покупки предприятия новые собственники объявили, что обещанной 35-часовой рабочей недели для сотрудников не будет. Вместо нее останется 38-часовая рабочая неделя. Это довольно показательно, учитывая то, что на тот момент на Западе Германии на многих предприятиях уже давно были установлены 35-часовые рабочие недели с более высокой

зарплатой. И подобных историй на самом деле очень много, когда восточные немцы были вынуждены соглашаться на меньшую зарплату и худшие условия труда.

Как вы думаете, можно ли считать, что Тройханд является первопричиной такого положения дел? Или же это слишком грубая трактовка ситуации?

М. Б.: Здесь стоит сказать, что на эту тему было много дискуссий после 2015 г., в том числе о том, почему партия «Альтернатива для Германии» (АдГ) имеет такой успех в Восточной Германии. Полагаю, что многие долгое время в Восточной Германии надеялись, что если...

О. Н.: Там же еще на плакатах АдГ было написано: «Нищенские пенсии – это все благодаря Тройханду».

М. Б.: Да, да... Бьёрн Хёке и другие активисты партии АдГ год назад, на последних выборах в парламент Тюрингии, в каждом своем предвыборном выступлении поднимали тему Тройханда. Учитывая это, конечно, можно легко прийти к выводу, что деятельность Тройханда привела к тому, что в Восточной Германии сейчас имеет большую поддержку правая партия «Альтернатива для Германии». На самом деле все гораздо сложнее, но при этом никак нельзя отрицать, что этот вопрос также активно обсуждается с 2015–2016 гг. наряду с другими не менее важными вопросами, а именно: почему сегодня существует такой яркий контраст между восточной и западной частями Германии? Почему такой дисбаланс сейчас гораздо сильнее, чем, например, в начале нулевых, когда еще витало в воздухе чувство единения Востока и Запада и даже федеральным канцлером была выбрана уроженка Восточной Германии – Ангела Меркель. То есть дисбаланс между Востоком и Западом в начале нулевых уже постепенно сглаживался, особенно для нового поколения, для которого эта тема была уже не такой животрепещущей. Иными словами, все уже начало понемногу успокаиваться.

Но потом наступил 2015 г. и эта тема вновь стала предметом бурных дискуссий в публичной сфере, где стороны пытались и до сих пор пытаются выяснить истинные причины того, почему же Восток так сильно экономически и политически отличается от Запада Германии. Через 25 лет после воссоединения значительная часть западных политиков и общественных деятелей видели причину экономического отставания Восточной Германии в нерыночном наследии ГДР. Подобная трактовка отсталости Востока часто использовалась и на всем протяжении 1990-х и нулевых годов. Но такие отсылки к ГДР в 2015 г. уже не работали, ведь на тот момент уже 25 лет такого государства не существовало. Всем было очевидно, что по прошествии такого большого количества времени причина не может заключаться только в социалистическом прошлом Восточной Германии.

Поэтому все внимание людей было устремлено на переходный период, на 1990-е гг., чтобы выяснить, что же тогда произошло, что так сильно повлияло на людей, и понятно, что дело было не столько в ГДР, а, скорее, в том, что произошло после ликвидации ГДР как государственной структуры. Ведь уже через довольно короткое время после воссоединения у восточных немцев произошло глубокое разочарование, крушение всяких надежд на светлое будущее. И в разговорах по данной теме часто можно встретить однобокие объяснения, например, что это произошло либо по причине социалистического прошлого Восточной Германии, либо вследствие травматического опыта, который получили восточные

немцы от деятельности Тройханда во время перехода от социализма к капитализму. Но я лично считаю, что именно сочетание этих двух факторов усилило разрушительный эффект. И я считаю, что тогда для многих восточных немцев (кстати, замечу, что меня в то время скорее интересовали велосипеды, самокаты и игра на детской площадке), в общем, для многих восточных немцев то время сначала было временем надежд, временем эйфории осени 1989 г., самоотверженных многотысячных демонстраций против режима, временем падения режима СЕПГ, а затем наступило время предвыборных обещаний цветущих пейзажей («blühenden Landschaften») и надежд на быстрое экономическое чудо. Восточногерманские политики говорили: мы быстро достигнем уровня жизни Западной Германии. Мы добьемся всего того, что видели по телевизору, ведь мы всегда хотели жить так же, как они. И никто из нас не станет жить хуже, чем сейчас, мы все будем жить лучше.

Подобного рода обещания также давал и Гельмут Коль. А потом наступает весна 1991 г. и в одночасье Тройханд объявляет об увольнении миллионов рабочих и служащих. До этого безработицы практически не существовало в Восточной Германии, но потом она довольно быстро достигла немыслимых значений в 20–30 %, а в некоторых регионах даже 40 %. Это стало огромным потрясением для восточных немцев, и они сразу поняли, что все обещания сбылись с точностью до наоборот. Теперь они столкнулись лицом к лицу с тем капитализмом, о котором постоянно рассказывали функционеры из Социалистической Единой Партии Германии: с безработицей, неравенством и дикой конкуренцией.

И самое трагичное здесь то, что восточные немцы сами захотели строить капитализм. Они сделали выбор, проголосовав подавляющим большинством на выборах в Народную палату ГДР за те партии, которые были за объединение с ФРГ. Они хотели объединения и преобразования своей страны по западногерманскому образцу, потому что не было никаких идей и попыток реформировать ГДР. Не было и никакого третьего пути. Поэтому было принято решение как можно скорее перевести Восточную Германию на рыночные рельсы. От первоначальной радости от объединения к тому моменту уже не осталось и следа, и, конечно, в определенной степени вполне объяснимо это разочарование, которое охватило восточных немцев. В принципе, это была их первая встреча лицом к лицу с демократией, с западногерманской демократией и социально ориентированной рыночной экономикой. И у восточных немцев сложилось стойкое впечатление, что всех их передали в распоряжение каким-то непонятным анонимным силам, которые засели где-то в Бонне, Восточном Берлине или во Франкфурте. Именно от решений этих никому неизвестных людей теперь зависела жизнь на Востоке.

Таковыми настроениями восточных немцев партия «Альтернатива для Германии» не преминула воспользоваться в своих политических целях, ну и, конечно же, темой Тройханда. Если кратко, АдГ выстроила объяснение тех событий примерно так: «Партийные бонзы СЕПГ во время крушения режима успели обогатиться и не захотели отстаивать государственные интересы ГДР. Они обманули и предали вас (имея в виду восточных немцев), отдали вас на откуп Тройханду, который тоже вас обманул и передал все народные богатства каким-то непонятным капиталистическим партнерам из Западной Германии. И сегодня режим Меркель обманывает вас, дискредитируя нас, народных избранников, которые во всеуслышание поднимают тему Тройханда в предвыборной борьбе...». Еще раз

повторюсь, это не мое объяснение тех событий, а партии «Альтернатива для Германии». Но это объяснение находит отклик в сердцах восточных немцев. Поэтому неудивительно, что тема Тройханда сегодня так эксплуатируется в предвыборной гонке.

Для левых партий, конечно, стало большим ударом, что их козырь – критику Тройханда, которую левые партии использовали в своих предвыборных речах начиная с 1990 г., – перехватили правые, а именно АдГ. Именно борьба разных политических сил за право эксплуатации темы Тройханда в своих предвыборных кампаниях стала отправной точкой разразившихся бурных дискуссий в 2018–2019 гг. в Германии о том, чем был на самом деле Тройханд и в чем именно было виновато это учреждение.

Ведь по мнению восточных немцев, именно Тройханд виноват во всех бедах, свалившихся на Восточную Германию после объединения. Восточные немцы часто говорят: «Хоть мы и граждане Германии, но граждане второго сорта, у нас ниже зарплаты, а пенсии, на которые мы делали отчисления, работая в ГДР, в новой Германии уже никак не учитываются, сейчас они у нас так же, как и зарплаты, существенно ниже, чем на западе. У нас гораздо меньше предпринимателей, гораздо ниже уровень жизни, и даже те мелкие собственники, мелкие предприниматели, которые у нас есть, зачастую не местные, не из Восточной Германии. То есть у нас как до, так и после объединения экономика устроена совершенно иначе, чем в Западной Германии. У нас по-другому устроен производственный процесс, да и станки, на которых мы работаем, в основном уже давно превысили свои сроки эксплуатации. На территории Восточной Германии почти не осталось штаб-квартир крупных предприятий, юридические адреса оставшихся крупных концернов большей частью теперь на западе страны или за рубежом».

В некоторых восточных регионах сейчас все меняется к лучшему, но только это происходит очень и очень медленно, так скажем, не так быстро, как многим из нас хотелось бы. И, конечно, здесь всегда живо обсуждается тема Тройханданштальт, скандального учреждения, которое в 1990-е гг. на территории Восточной Германии было своеобразным аналогом Министерства экономики, принимало судьбоносные решения и воплощало их в жизнь в крайне сжатые сроки. Но что мы можем сказать точно, так это то, что мы видели собственными глазами... Демонтаж плановой экономики оказал огромное негативное влияние на миллионы восточных немцев... Для них такая капиталистическая реальность стала глубоким разочарованием, крушением надежд на светлое будущее... Людей накрыла волна безработицы, люди были совершенно растеряны и беспомощны, у них вообще не было никаких шансов адаптироваться к новой системе, не было шансов вписаться в рынок, так сказать. Но были и другие восточные немцы, которым удалось адаптироваться к новым условиям, построить свой бизнес, как говорится, создать свою историю успеха.

Надо сказать, что при обсуждении Тройханда в подавляющем большинстве случаев все внимание уделяется скандалам, связанным с этим учреждением, и разного рода вещам, которые прошли не так уж и гладко. Однако в среднем и малом бизнесе некоторым восточным немцам удавалось достичь успеха. Конечно, в 1991, 1992 и 1993-м гг. было не так уж и много восточных немцев, владеющих значительными суммами денег, достаточными для начала собственного бизнеса, а также тех, кто мог бы пойти на риск в условиях

неопределенности и открыть свой бизнес. Да, это были, конечно, интересные и целеустремленные личности, но, повторяюсь, таких людей среди восточных немцев, разумеется, было немного. Ведь подавляющее количество восточногерманских предприятий было передано западным немцам, и конечно, это не могло не сказаться на материальном благополучии восточных немцев. Массовые приватизации и ураганный демонтаж планового хозяйства за несколько лет привели восточногерманское общество к глубочайшему кризису, который сохраняется и сегодня. В то же время сегодня в Западной Германии, да и за ее пределами, часто задаются вопросом: «Почему восточные немцы все никак не могут перестроиться на нормальную жизнь?».

Лично я считаю, что восточным немцам нужно перестать воспринимать себя жертвами или же объектами капиталистических преобразований. Полагаю, это будет эффективнее, чем раз за разом ворошить прошлое, оставаясь на одном и том же месте. Но, конечно, понятно, что не все так просто... Неспроста сейчас там процветают такие явления, как неприязнь к мигрантам, правый экстремизм и подобного рода вещи. Понятно, что такие проблемы трудно решаются, но именно поэтому их и нужно обсуждать.

Несомненно, радикальные действия Тройханданштальт затронули экономику, культуру, политику и все общество в целом. Но я считаю, что нет никакого смысла сосредотачивать все свое внимание и заикливаться на одном этом учреждении, на тех травмирующих событиях, которые с ним связаны, и при этом постоянно задаваться вопросом: «Что же тогда произошло с восточногерманским обществом в первой половине девяностых?». И стоит сказать, что на восточногерманское общество повлиял целый ряд факторов, которые были взаимозависимы друг от друга, усиливали друг друга. Поэтому Тройханданштальт нельзя назвать только лишь экономическим учреждением, так как он существенным образом повлиял не только на экономику Восточной Германии, но и на менталитет восточных немцев.

О. Н.: Понятно, что эта тема очень сложная, поэтому совсем неудивительно, что ваша книга объемом 766 страниц. Тут недавно я узнал, что первое издание вашей книги «Тройханд: Идеи. Практика. Опыт с 1990 по 1994 год» [1] было очень дорогим – примерно 80 евро. Но сейчас вашу книгу издательства «Зуркамп» (Suhrkamp) можно купить и дешевле – всего за 29 евро 95 центов. А это значит, что те, кто заинтересовался этой темой, может чуть меньше, чем за 30 евро купить почти восьмисотстраничную книгу о Тройханде.

Доктор Маркус Бьёик, я благодарю вас за нашу с вами беседу.

М. Б.: Да, и вам большое спасибо за прекрасное интервью... Большое спасибо!

Перевод с немецкого канд. филос. наук В. А. Миронова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Böick M. Die Treuhand. Idee – Praxis – Erfahrung 1990–1994. Göttingen: Wallstein Verlag, 2018.

Информация об авторах.

Маркус Бьёик – стипендиат Мемориального товарищества Джона Ф. Кеннеди; приглашенный исследователь Центра Европейских исследований им. Минды де Гинцбург Гарвардского университета, Кембридж, Массачусетс, США.

Оле Нимоен – независимый журналист, Йена, Германия.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.04.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.*

REFERENCES

1. Böick, M. (2018), *Die Treuhand. Idee – Praxis – Erfahrung 1990–1994*, Wallstein Verlag, Göttingen, DEU.

Information about the authors.

Markus Böick – John F. Kennedy Memorial Fellow; Visiting Scholar, Minda de Gunzburg Center for European Studies, Harvard University, Cambridge, MA, USA.

Ole Nymoen – Freelance Journalist, Jena, Germany.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 27.04.2023; published online 21.09.2023.*